
Алина Верєсова
Квартира
напротив

Алина Вересова

«Квартира напротив»

«Автор»
2026

Вересова А.

«Квартира напротив» / А. Вересова — «Автор», 2026

Она приехала, чтобы продать квартиру матери. Но прошлое оказалось не так просто оставить за закрытой дверью.Семь лет Лера Морозова не разговаривала с матерью. Семь лет строила собственную жизнь в Москве, убеждая себя, что больше никогда не вернётся в родной Петербург.Но после смерти матери ей приходится вернуться.В знакомой квартире всё изменилось. Чужие чашки на кухне, следы ремонта и сосед из дома напротив — резкий, немногословный Илья Воронцов, который, кажется, знал её мать гораздо лучше собственной дочери.Лера хочет разобраться с наследством и поскорее уехать. Но неожиданное завещание меняет её планы. Теперь ей предстоит выяснить, кем на самом деле была её мать, научиться доверять человеку, которому доверять совсем не хочется, и решить, что важнее — навсегда закрыть дверь в прошлое или рискнуть открыть её снова.Иногда, чтобы найти своё счастье, нужно вернуться туда, откуда однажды сбежала.

© Вересова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 19
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Алина Вересова
«Квартира напротив»

Глава 1

Глава 1. Чужой ключ

Ключ не поворачивался.

Лера стояла на четвёртом этаже, с чемоданом между ног, и второй раз подряд пыталась провернуть нижний, цилиндровый, замок — тот, что всегда требовал терпения: чуть отжать дверь на себя, потом дожать. Она помнила это движение ладонью, помнила даже, что делать это надо не спеша, иначе замок заедает. Семь лет ничего не менялось в этом движении.

«Значит, замок всё-таки поменяли», — подумала она с неожиданной злостью. И сразу же, будто в ответ, ключ провернулся.

Дверь открылась внутрь, тяжело, как открываются двери в домах, где за сто лет осели все перекрытия. Лера переступила порог и на секунду остановилась, потому что пахнуло — и это было хуже всего. Она прикрыла за собой дверь и привычно повернула ключ в нижнем замке. Верхний трогать не стала.

Пахло не запустением. Пахло квартирой, в которой живут: остывшим чаем, старой деревянной мебелью, чуть кофе, и ещё чем-то сухим, вроде нагретой пыли на радиаторе. За несколько недель после смерти матери воздух никуда не делся. Он просто остался здесь, как остаются вещи.

Она поставила чемодан в прихожей, у зеркала, и не стала разуваться. Потом всё-таки разулась — не в силах переступить через собственное правило: в доме, где мыла полы мать, в обуви не ходят.

Квартира была маленькая: две комнаты, сорок шесть метров, кухня, где двум людям уже тесно. Но потолки — три двадцать, лепнина по карнизу, и паркет «солнышком», который в Москве теперь вставляют только в проекты за очень большие деньги, а здесь он лежал себе, потемневший по краям, и поскрипывал в одном и том же месте — у поворота в большую комнату.

Лера прошла по нему и услышала скрип.

В большой комнате всё было почти как прежде. Диван с вытертым подлокотником, накрытый пледом. Сервант с посудой, которую не доставали. Часы «Весна» на стене — и они шли. После смерти матери в квартире, значит, кто-то бывал.

На подоконнике стояли три горшка. Герань, фиалка и ещё что-то с длинными листьями, название которого Лера не знала. Земля в горшках была влажная. Не вчера поливали, но и не месяц назад.

Она провела пальцем по подоконнику. Пыли почти не было.

— Ну конечно, — сказала она вслух и сама поморщилась от того, как это прозвучало: будто она разговаривает с кем-то, кто должен услышать.

Чемодан остался в прихожей. Она открыла шкаф в спальне — там висели пальто, два платья, кофта на плечиках, и всё это ещё держало форму матери, её осанку, её привычку застёгивать верхнюю пуговицу. Лера тронула рукав и убрала руку.

На кухне её ждало самое неприятное.

Кофемашина. Небольшая, блестящая, из тех, что покупают люди, решившие наконец жить хорошо. Тамара Морозова всю жизнь пила растворимый кофе из банки с зелёной крышкой и называла капучино «пенкой». Рядом с кофемашиной стояла керамическая банка, а в ней — зерно.

Лера открыла шкафчик над столом: там был аккуратный ряд чашек, и три из них — не из её детства. Простые, толстые, тёмные. Не похожие на материнские. Такие покупают, когда в доме появляется человек, который пьёт много и не любит тонкий фарфор.

Она закрыла шкафчик.

На столе лежала квитанция из строительного магазина, придавленная сахарницей. Сентябрь. Смеситель, гибкая подводка, два метра шланга, саморезы. Сбоку, материнским почерком, мелко и ровно — как она всегда писала, будто заполняла бланк, — было выведено: «И. — в субботу, после обеда».

Лера прочитала дважды. Потом перевернула квитанцию лицом вниз, как будто это что-то решало.

В кране на кухне что-то щёлкнуло, когда она открыла воду, чтобы сполоснуть чашку. Чашка была не её, и вода была не её, и всё здесь было не её, и именно поэтому она мыла эту чёртову чашку, вместо того чтобы сесть и заплакать, — потому что руки были заняты и можно было не думать.

Подводка под раковиной лопнула без предупреждения.

Просто внизу, под раковиной, что-то коротко хрустнуло, и вода пошла — не струйкой, а сразу, во все стороны, весело и сильно, заливая полки с кастрюлями, стенку шкафчика, ноги.

Лера рванула рычаг смесителя — закрыла. Вода не остановилась: хлестало из трубы под мойкой. Она глянула под раковину, в темноту, где блестело и шипело, и поняла, что не знает, где здесь перекрывается стояк. Что она вообще ничего не знает про эту квартиру, кроме того, что в ней скрипит половица и что в серванте лежат салфетки, которые нельзя доставать.

Она выдернула из шкафчика полотенца — все, сколько было, — и бросила на пол. Вода шла через них и уже подбиралась к порогу.

И в этот момент в замке повернулся ключ.

Лера выпрямилась. Звук был совершенно отчётливый: металл вошёл, провернулся, нижний замок — тот, что она сама еле открыла, — щёлкнул с первого раза, уверенно, как щёлкают замки для человека, который делает это часто.

Дверь начала открываться.

Она успела почувствовать только одно — что сейчас её будет тошнить, — и шагнула в прихожую. Дверь открылась на ширину ладони, и в щели показался мужчина. Он тоже остановился.

— Здравствуйте, — сказал он.

Он был в тёмной куртке, надетой поверх рабочего, судя по всему, свитера, и с разводным ключом в руке. Светлые глаза, короткая стрижка, лицо человека, который привык, что его слушают.

— Вы кто? — спросила Лера.

— Илья. Воронцов, — сказал он так, будто это всё объясняло. — Из второго корпуса. У вас вода внизу.

— Что?

— У Анны Павловны на третьем потолок потёк. Она мне позвонила, я поднялся. — Он кивнул на ключ в своей руке. Потом посмотрел на ключ отдельно. — У меня ключ от квартиры. Тамара Ивановна дала.

— Кто?

Он помолчал ровно столько, чтобы это стало заметно.

— Ваша мать, — сказал он. — Тамара Ивановна. Дала ключ. Года два назад.

В прихожей стало очень тихо. Где-то под полом шумела вода.

— Кухня, — сказала Лера. — Там под раковиной.

Он вошёл, снял куртку и повесил её не на крючок, а на спинку стула, стоявшего в прихожей, — то есть точно туда, где её, видимо, всегда вешали. Прошёл мимо Леры, не задев, и в кухне сразу стал двигаться иначе: быстро, без разглядывания. Отодвинул стопку полотенец ногой, присел, заглянул под мойку. Разводным ключом поддел декоративную панель.

— Кран на кухонную линию за шкафчиком. Его не видно. — Он поднялся, отодвинул в сторону кастрюли и потянулся рукой в щель между стеной и шкафом. — Тамара Ивановна тоже с первого раза не находила. У неё раз потолок залило так, что соседям ремонт делали.

Скрип, металлический стон, и шум воды оборвался. Стало слышно, как капает.

— Всё, — сказал он.

Лера стояла в дверях кухни, скрестив руки.

— Спасибо, — сказала она. — Дальше я сама. Оставьте ключ, пожалуйста.

Он посмотрел на неё. Не удивился, не обиделся — просто посмотрел, как смотрят на человека, который говорит глупость, и ждёт, когда он сам это поймёт.

— Ключ я оставлю, — сказал он. — Но сначала надо посмотреть, что у Анны Павловны. Если у неё течёт по стене, к вечеру будет хуже, чем сейчас.

— Я могу сходить сама.

— Можете, — согласился он. — Только вы не знаете, куда смотреть.

Он взял из шкафчика под раковиной тряпку — не первую попавшуюся, а именно ту, синюю, — и бросил её на пол. Потом достал из кармана телефон и, не глядя, набрал номер.

— Анна Павловна, это Илья. Открывайте, я иду.

Лера вышла за ним на лестницу, потому что оставаться в кухне, где всё мокрое, было ещё хуже. Они спустились на третий этаж. Дверь квартиры под материнской была приоткрыта. Внутри пахло жареным луком и валерьянкой, и женщина в халате уже говорила быстро, наперебой:

— Илюшенька, я смотрю — по стене, по стене ползёт, я думала, у меня крыша…

— Вижу, — сказал он. — Это не у вас. Это сверху.

Лера стояла в дверях чужой квартиры и слушала, как её обсуждают в третьем лице.

— А вы кто будете? — спросила Анна Павловна, только теперь её заметив. — Ой. Ой, а вы, значит, дочка. Тамарина дочка. — Она осеклась, и это «осеклась» было хуже любого упрёка. — Царствие небесное. Хорошая была женщина. Хорошая.

— Спасибо, — сказала Лера.

— Мы с ней тут… — Анна Павловна повела рукой, показывая не то на стену, не то на всю свою жизнь. — Она мне в мае с лекарствами помогала. Илюша, а ты чего молчишь? Ты же её…

— Пятно мокрое, — сказал Илья, поднимая голову от потолка. — Надо просушить и посмотреть, что с отделкой. Не смертельно.

Он сказал это слово — «не смертельно» — и на секунду в комнате стало очень неуютно. Он это, кажется, тоже понял: поднялся, вытер руки о тряпку и, ни на кого не глядя, добавил:

— Завтра посмотрю, как сохнет. Часов в десять. — И уже Лере: — Подводку менять надо. И кран перекрытия проверить: ему лет двадцать.

— Я вызову слесаря, — сказала Лера.

— Вызывайте.

Они поднялись обратно на четвёртый. Он мыл руки в ванной, а Лера стояла в коридоре и смотрела, как он ищет полотенце — и находит его с первого раза, за дверцей, в самом низу, где висело ещё одно, аккуратно сложенное.

— Вы здесь часто бывали, — сказала она.

— Бывал.

— Насколько часто?

Он закрыл воду, вытер руки.

— Достаточно часто, чтобы знать, где полотенце. — Он повесил его на место, ровно так же сложив. — Тамара Ивановна четыре года назад попала в историю с ремонтом. Ей подрядчики сняли полстены и исчезли. Я помог разобраться. Потом ещё по мелочи: кран, розетки, стояк. Она звонила, я приходил.

— И ключ вам дала.

— И ключ мне дала.

Лера прислонилась плечом к дверному косяку. В прихожей было темно, лампочка горела только в кухне, и всё это вместе — мокрый пол, чужая тряпка, полотенце, сложенное вчетверо ровно там, где его складывала мать, — вдруг сложилось в одну очень простую мысль: у её матери была жизнь. Не пауза, не ожидание, пока дочь позвонит. Жизнь, в которой был мужчина, который знал, где лежит полотенце.

— Странно, — сказала она. — Я об этом ничего не знала.

— А почему вы должны были знать?

Вопрос был задан без нажима. От этого он был ещё хуже.

— Потому что я её дочь, — сказала Лера.

Илья ничего не ответил. Взял со стула куртку, но не стал надевать, а перекинул через руку.

— Мне надо оформлять наследство, — сказала она, и голос вышел ровнее, чем она ожидала. — Я открываю дело на следующей неделе. Потом приведу квартиру в порядок и выставлю. Дом хороший, Петроградка, покупатель найдётся.

— Найдётся, — согласился он.

— Я не собираюсь здесь жить.

— Я и не спрашивал.

— На всякий случай.

Он смотрел на неё ещё секунду, и в лице у него было что-то такое, чего Лера не смогла прочитать: не насмешка, не жалость. Скорее усталость человека, который уже пожалел о нескольких сказанных словах, но не собирается брать их обратно.

— Если она вам достанется, — сказал он.

Лера не сразу поняла.

— То есть?

— В прямом смысле.

— А кому ещё она может достаться? — Она услышала собственный голос и не узнала его: слишком высокий, слишком быстрый. — У неё был один ребёнок. Я. Больше никого нет.

Илья переложил куртку на другую руку.

— Например, мне, — сказал он.

Пауза была ровно такой, чтобы всё в квартире успело стать другим. Часы на стене щёлкнули. За стеной у соседей зашумела вода.

— Это шутка? — спросила Лера.

— Конечно, — сказал он.

И держал её взгляд на секунду дольше, чем нужно, чтобы это было «конечно».

Потом наклонил голову:

— На кухне воду я перекрыл. До ремонта не открывайте. Завтра в десять зайду, посмотрю, что нужно для замены подводки. — Он открыл дверь. — Нижний замок заедает. Не закрывайте на оба, а то не откроете.

— Ключ, — сказала Лера.

Он вынул из кармана связку. На кольце было пять или шесть ключей — длинные, короткие, с разноцветными пластиковыми головками. Он снял один — плоский, с потёртой головкой — и протянул ей.

— Она мне его дала, — сказал он ещё раз, без выражения. — Я не напрашивался.

И вышел.

Лера закрыла дверь. Постояла, держась за ручку. Потом повернула верхний замок, потом нижний — на оба, как он и советовал не делать. Ей было всё равно.

Она вернулась в кухню, собрала мокрые полотенца в таз, вытерла пол. Руки делали, голова молчала. В какой-то момент она поняла, что уже десять минут вытирает одно и то же место, и остановилась.

Квитанция из строительного магазина так и лежала лицом вниз. Лера взяла её, хотела выбросить — и вместо этого открыла нижний ящик, где у матери всегда лежали бумаги: квитанции, инструкции, рецепты, перевязанные аптечной резинкой.

В ящике был порядок, которого Лера не ожидала. Папка, в ней — файлы, в файлах — по годам. Она вытащила верхний и вытряхнула на стол.

Квитанции, квитанции, квитанции. Оплата за газ. Договор на обслуживание домофона. Гарантийный талон на кофемашину, оформленный на «Морозову Т. И.». А между двумя квитанциями, зажатая так, чтобы не потерялась, — плотная белая карточка.

Визитка.

Лера повернула её к свету.

«Нотариус Гурьева Светлана Анатольевна». Малый проспект, дом, кабинет, телефон. И на обороте, поперёк, материнским почерком — тем самым, аккуратным, будто заполняли бланк:

«14 сентября, 11:40».

Ни слова больше. Ни «завещание», ни «документы», ни «И.».

Лера села на табурет и положила визитку перед собой, как кладут на стол карту, которую нечем крыть.

Четырнадцатое сентября. Она помнила, какого числа умерла мать: шестого октября. Между этими датами было двадцать два дня. Двадцать два дня между назначенной встречей и смертью. Была ли Тамара у нотариуса, Лера не знала. Даже если была, с чего бы ей говорить об этом дочери? Они семь лет не разговаривали.

Лера достала телефон. Нашла в переписке последнее сообщение от матери — короткое, отправленное в конце августа, когда она ещё была жива и когда Лера, увидев имя на экране, отложила телефон и не ответила до вечера, а вечером уже не стала.

Она не стала открывать сообщение. Помнила только начало, увиденное тогда в уведомлении: кажется, что-то про погоду. Или «береги себя».

Она положила телефон экраном вниз.

Вода в трубах за стеной щёлкнула и загудела. Лера подняла голову и посмотрела в окно кухни — во двор-колодец, где напротив, в другом корпусе, светились окна: одно, второе, третье. За одним из них, на четвёртом этаже, горел тусклый свет над кухонным столом, и в этом свете двигалась чья-то тень — большая, спокойная, повесившая что-то на спинку стула.

Она не стала смотреть. Отвернулась.

Но когда через минуту подошла к двери, чтобы проверить замки ещё раз, то поймала себя на том, что стоит и держит в руке ключ, который ей вернули, — плоский, с потёртой головкой, тёплый от её ладони.

Ключ от квартиры, в которой она не была семь лет.

И ещё один ключ, о котором она узнала только сегодня, — тот самый, который человек из дома напротив всё-таки отдал ей. Он мог вернуть металл. Не мог вернуть ей те годы, когда приходил сюда вместо неё.

Она повесила ключ на гвоздь у зеркала. Там уже висела связка — та, которой она открывала дверь.

Значит, у её матери было как минимум два комплекта. И один из них всё это время находился у человека, о котором Лера до сегодняшнего дня даже не слышала.

Лера выключила свет в кухне и осталась стоять в темноте прихожей, слушая, как в пустой квартире идут часы.

Глава 2

Глава 2. Вода по стене

Утро началось с того, что в кухне не было воды.

Лера повернула рычаг смесителя влево, потом вправо, подождала. Труба в стене отозвалась коротким стоном и замолчала. Только тогда она вспомнила: вчера человек из дома напротив перекрыл кухонную линию и сказал не открывать.

Она спала на диване, накрывшись пледом, который пах чужой стиркой — порошком, который она никогда не покупала. Проснулась в семь, оттого что за стеной у соседей заработала стиральная машина, и долго лежала, глядя в потолок с лепниной, где в углу темнела тонкая трещина, похожая на ветку без листьев. Батарея под окном была горячая. За окном двор-колодец стоял в серой взвеси, и в этой взвеси уже горели два окна напротив — на втором этаже и на четвёртом.

В ванной вода была. Лера набрала её в чайник, набирая кружкой, потому что чайник под изогнутый краник не влезал, и это её почему-то разозлило сильнее, чем вчерашний потоп. Потом долго держала руки под холодной струёй, пока не заболели пальцы, и смотрела в зеркало на своё лицо: тридцать четыре года, тушь вчера не смыта, под глазами тени, которые не спишешь на дорогу.

Кофе она сварила в турке, на плите, смолов немного зёрен из керамической банки в старой ручной кофемолке. Взяла ту самую толстую тёмную чашку — не потому, что хотела, а потому, что остальные в шкафчике были материнские, с золотой каймой, и пить из них было выше её сил. Села на табурет у окна. Кофе вышел скверный: она не умела на глаз.

Телефон показал два письма от заказчицы из Москвы и напоминание, что пора продлить страховку машины.

Сначала она позвонила в управляющую компанию. Там долго искали её дом по адресу, потом женский голос с одышкой объяснил, что гибкая подводка под мойкой — зона ответственности собственника, а по факту залива надо составить акт, иначе, не дай бог, соседка потом скажет, что это её залили.

— А кто составляет акт?

— Мы составляем. Заявку примем, инженер придёт. Только у нас сегодня один инженер, он на аварии.

— Когда?

— Ну, может, завтра. Может, послезавтра.

Потом она нашла в телефоне службу мелкого ремонта. Там ответили бодро: выезд мастера — тысяча пятьсот, замена подводки — от трёх с половиной тысяч, стоимость материалов отдельно, ближайшее окно — сегодня после шести.

Лера записала предложенное время в заметки, перечитала и не почувствовала облегчения. После шести у неё не было никаких планов. У неё вообще не было планов, кроме списка дел, который она составила в поезде и который теперь казался написанным другим человеком: разобрать вещи, вызвать оценщика, открыть наследственное дело, вернуться в Москву.

В девять пятьдесят шесть в дверь позвонили.

Она посмотрела в глазок. Стекло было старое, с пузырьками, и стоявший на площадке человек вытянулся в длинную вертикальную полосу: тёмная куртка, сумка в руке. Она узнала его по плечам раньше, чем по лицу.

Лера отперла оба замка — вчера она всё-таки закрыла квартиру на оба, назло совету — и открыла дверь, но не отступила.

— Доброе утро, — сказал Илья. — В десять я, помню. Пришёл в девять пятьдесят шесть, извините.

— У вас больше нет ключа, — сказала она.

Он посмотрел на неё так, будто она сообщила ему что-то о погоде.

— Больше нет.

— Я это к тому, что вы позвонили.

— А вы боялись, что я не позвоню.

Она не ответила и посторонилась.

В сумке у него оказалась новая гибкая подводка в прозрачном пакете, пара прокладок и инструменты. Он выложил всё это на стол в кухне, рядком, как инструменты перед операцией.

— Сколько это стоит? — спросила Лера.

— Девятьсот двадцать. По чеку.

— Я отдам.

— Потом отдадите.

— Нет, сейчас.

Она достала кошелёк, отсчитала тысячу и положила на стол, рядом с подводкой. Он молча отсчитал восемьдесят рублей сдачи и подвинул ей монеты. Купюру убрал в карман куртки так спокойно, будто она подписала ему пропуск.

— Работу я оплачу отдельно, — сказала Лера. — По расценкам. Сколько это стоит?

— Вы вчера решили вызвать слесаря.

— Я его вызвала. Он придёт после шести.

Илья снял куртку и повесил её на спинку стула.

— А сейчас что?

— Сейчас я хочу понять, что вы собираетесь делать.

— Открутить старую подводку и поставить новую. Кран пока не трону: для его замены придётся отдельно перекрывать воду выше по линии.

— Вы мне не назвали цену.

— Тысяча пятьсот, — сказал он ровно. — Как в вашей службе.

Лера прищурилась.

— Вы слышали, как я звонила?

— Нет, — сказал он. — Вы удивитесь, но я знаю, сколько это стоит. Я этим занимаюсь.

— Чем именно?

— Эксплуатацией зданий. Я инженер. Слесарем меня зовут, когда лень искать слесаря.

Он присел, открыл дверцу под мойкой, и оттуда пахнуло сыростью. Лера стояла у него за спиной, скрестив руки, и смотрела, как он ощупывает трубы, как поворачивает вентиль — вентиль пошёл с таким звуком, будто внутри провернулись камни.

— Старый кран я бы лишний раз не трогал, — сказал он. — Он держит на честном слове. Если ещё раз закроете, может не открыться.

— То есть его надо менять.

— Его надо менять.

— Хорошо. Кто это делает?

— Сантехник через управляющую компанию: придётся согласовать отключение воды. Самовольно общий стояк я трогать не стану. А ваш кран на кухонной линии ставили при царе.

— Понятно.

— Вам не понятно, — сказал он без нажима. — Вы сейчас думаете: «Сейчас этот человек мне что-то сделает, назовёт цену, а я не смогу проверить».

Лера помолчала.

— Я думаю, что два года у вас был ключ от квартиры, в которой я не была семь лет, — сказала она. — И вы знаете, где у неё лежит полотенце. Это не то же самое, что «не доверяю».

— Это ровно то же самое, — сказал он. — Только с пояснением.

Он полез в сумку, достал разводной ключ, и разговор кончился сам собой — потому что он начал работать.

Она смотрела. Он открутил гайку, подставил под стык сложенную в несколько раз тряпку — ту самую синюю, которая вчера лежала на полу и которую Лера успела постирать и повесить. Отсоединил старую подводку, вынул её, и Лера увидела: на гибком шланге, у самого штуцера, была трещина, а металлическая оплётка в одном месте распустилась.

— Вот, — сказал он, поднимая шланг. — Ей лет восемь. Хомут стоял криво, шланг тёрся о край шкафчика. Это не вчера лопнуло, это полгода назревало.

— И что, это было видно?

— Видно. Если заглянуть.

Он установил новую подводку, затянул соединения, осторожно открыл старый кран и проверил, не подтекает ли под мойкой. Под мойкой ничего не капало. Потом он вытер руки и стал собирать инструменты.

— В ванной подводка такая же старая, — сказал он. — Я туда не полез, это не моё дело, но вы знайте. И розетка у раковины без защиты. Если её зальёт — будет весело.

— Спасибо.

— Не за что. — Он вынул из сумки блокнот, вырвал листок и начал писать: быстро, косыми строками, цифры столбиком. — Вот список. Кран на кухне нужно заменить с согласованным отключением воды. Ещё проверьте подводку в ванной и розетку у раковины. Электрика вызовите отдельно.

— А вы почему остальное не сделаете?

Илья поднял на неё глаза.

— Потому что вы всё равно будете проверять за мной каждую гайку, — сказал он. — И я вас понимаю, но мне это надоест на второй день.

Он сложил листок пополам, потом ещё раз, и протянул ей.

— Держите. Чтобы вас не развели.

Лера взяла бумажку.

Тут она вспомнила про Анну Павловну.

— Нам надо к соседке, — сказала она.

— Нам?

— Мне. — Лера надела пальто. — Вы говорили, у неё течёт по стене. Если у неё течёт из моей квартиры, это моя история.

Илья посмотрел на неё секунду дольше, чем требовалось, но ничего не сказал и пошёл первым.

Анна Павловна открыла сразу, будто стояла у двери. На ней был халат, надетый поверх платья, и тапочки с помпонами, и она всплеснула руками при виде Леры — но не удивилась, а будто ждала.

— Заходите, заходите. Илюша, ты сказал, придёшь, — она посторонилась. — Ой, а я и не прибралась.

Квартира под материнской была с той же планировкой, только зеркальной, и от этого в ней всё казалось сдвинутым. В комнате пахло валерьянкой и мокрыми обоями. На потолке, ближе к окну, расползалось пятно — жёлтое по краю, бурое в середине, — и под ним на полу стоял таз.

— Вот, — сказала Анна Павловна. — Я вчера как увидела — думала, у меня сердце. Я одна тут, если ночью по стене потечёт, я и не услышу.

— Сейчас под мойкой сухо, — сказал Илья. — Подводка новая. Дальше надо сушить.

— Это вы мне скажите, что теперь с этим делать, — Лера кивнула на пятно. — Я вызову инженера из управляющей, составят акт.

— Вот это правильно, — сказала Анна Павловна с неожиданной твёрдостью. — А то был случай, у Ковалёвых с пятого… — она махнула рукой. — Три месяца доказывали.

Она ушла на кухню и вернулась с подносом: чашки, сушки в вазочке, банка с вареньем, на крышке которой засохла капля. Лера хотела отказаться и почему-то осталась.

— Тамара Ивановна в мае мне с лекарствами помогала, — сказала Анна Павловна, разливая чай. Рука у неё дрожала, и она держала чайник двумя руками. — У меня ноги, я в аптеку не всегда дойду. Я ей список писала — она всё приносила, до копейки считала, квитанции мне оставляла. И ни разу не сказала: «Аня, ты мне надоела».

— Она была обязательная, — сказала Лера.

— Обязательная, — согласилась Анна Павловна. — И характер — дай боже. Я ей раз сказала: Тамара Ивановна, коврик у лифта совсем прохудился. Она со мной неделю не здоровалась. А потом коврик появился. Новый. И она виду не подала, что это она его купила.

Лера отпила чай. Чай был крепкий, с какой-то травой.

— Она про меня не рассказывала? — спросила она и сама удивилась, как просто это вышло.

Анна Павловна помолчала. Поставила чашку.

— Раз спросила я её, — сказала она. — Давно, года три назад. «Что ж вы, Тамара Ивановна, одна». Ну, знаете, как спрашивают, ни о чём. А она на меня посмотрела — и я больше не спрашивала. Вот так посмотрела.

— Понятно.

— А в сентябре она какая-то ходила, — вдруг вспомнила Анна Павловна. — Я её встретила на лестнице, она с папкой, усталая. Я говорю: что, Тамара Ивановна, дела? А она мне: «Привожу дела в порядок, Аня». Я ещё подумала — к врачу, что ли, собирается, в больницу.

Лера поставила чашку на блюдце, и блюдце звякнуло громче, чем она рассчитывала.

— А число не помните? — спросила она, и голос вышел ровный.

— Ой, милая, я числа не помню. — Анна Павловна развела руками. — Это уж когда похолодало началось, в сентябре. Я в тот день ещё пальто достала.

Илья в это время стоял у окна и смотрел на потолок, задрав голову, как будто пятно было единственным, что его интересовало. Лера вдруг поняла, что он молчит нарочно, и не смогла решить, что это значит.

— Акт я организую, — сказала она. — И насчёт ремонта — разберёмся.

Анна Павловна посмотрела на неё с сомнением.

— Дочка, я так, чтоб вы знали: я ремонт не потяну. У меня пенсия и всё.

— Я знаю. — Лера встала. — Это из-за нашей квартиры. Я разберусь.

На лестнице, между третьим и четвёртым, она остановилась.

— «Разберусь», — сказала она вслух. — Я даже не знаю, чья это была подводка по документам.

— Подводка в квартире Тамары, — сказал Илья. — Кто и в каком объёме отвечает за ущерб, установят после осмотра. Вы правильную вещь сказали, но теперь надо довести её до конца.

— Спасибо за лекцию.

— Не за что. Пятно надо просушить дня три, потом посмотреть, что с обоями. Если обои отойдут — она вам предъявит.

— А вы бы на её месте предъявили?

— Я бы на её месте уже написал заявление в управляющую. И проверил бы, есть ли страховка. Она сама не станет разбираться. Постесняется.

Вернувшись, Лера первым делом достала визитку и набрала номер.

Трубку взяли после четвёртого гудка.

— Нотариальная контора Гурьевой, добрый день.

— Здравствуйте. Я хочу записаться на приём. Вопрос по наследству.

— Фамилия?

— Морозова. Валерия Андреевна. Наследство Морозовой Тамары Ивановны, она умерла шестого октября.

В трубке постучали по клавишам.

— Гурьева принимает по записи. Ближайшее — тридцатое, на утро, к десяти сорока. Вам подойдёт?

— Подойдёт.

— Возьмите паспорт, свидетельство о смерти, документы о родстве, если есть, и всё, что сохранилось по имуществу. Остальное уточните на приёме.

Лера помедлила.

— А вы не можете сказать по телефону, оставляла ли она завещание?

— По телефону мы такие сведения не даём, — сказала женщина ровно, без интереса, как говорят это по двадцать раз на дню. — Всё на приёме.

— Понятно. Спасибо.

Она положила трубку и посидела минуту, глядя в окно. Тридцатое. Три дня.

Илья вышел из кухни с сумкой на плече.

— Подводку я поменял, — сказал он. — Воду на кухне можно открывать. Если увидите, что под мойкой мокро, — звоните, но, скорее всего, не увидите. А лучше вызовите того, кто даст гарантию, я вам не подрядчик.

— Хорошо.

Она достала деньги. Отсчитала тысячу пятьсот, протянула. Он взял, не пересчитывая, и сунул туда же, куда первую купюру.

— Вот чек и упаковка от подводки, — сказал он, доставая их из сумки и передавая Лере. — Сохраните, там данные о подводке. И квитанции из нижнего ящика не выбрасывайте: там гарантийный талон на кофемашину и на смеситель, пригодится, если что-то потечёт.

Лера замерла с бумажками в руке.

— Откуда вы знаете, что у неё в нижнем ящике?

— Тамара Ивановна сама говорила, — сказал он спокойно. — Она туда всё складывала, по годам. Инструкции, талоны, чеки.

— И вы туда заглядывали.

— Я туда не заглядывал. — Он застёгнул куртку. — Я вам не нравлюсь, я это вижу. Но давайте без этого: если бы я хотел что-то взять из этой квартиры, я бы взял за два года, пока у меня был ключ, и вы бы об этом не узнали.

— Это не ответ.

— Это ответ, — сказал он. — Просто не тот, который вам нужен.

Он открыл дверь.

— Надеюсь, до тридцатого я вам не понадоблюсь. Если что — я во втором корпусе, четвёртый этаж, окна на ваш двор.

— Теперь знаю, — сказала Лера.

— Вот и хорошо.

Дверь закрылась.

Она постояла в прихожей, потом вернулась в кухню — вода из крана шла ровно, тихо, без рычания в трубах — и открыла нижний ящик.

Всё лежало как вчера. Папка, файлы, квитанции. Визитка, которую она ночью положила на стол, лежала теперь между сахарницей и солонкой, текстом вверх, и «14 сентября, 11:40» было видно с другого конца кухни.

Лера села и достала телефон. Нашла переписку с матерью. Последнее сообщение, конец августа, две строчки, которые она так и не открыла. Палец завис над строкой. Потом она заблокировала экран.

Написала в московскую студию: «Задержусь в Петербурге, работаю удалённо, на связи». Подумала и добавила: «Неделю точно».

Потом вытащила чемодан в маленькую комнату — ту, где стоял её письменный стол, ещё школьный, с вырезанными на столешнице буквами, — и стала перекладывать вещи в шкаф: свитер на полку, джинсы, рубашку на плечики. Шкаф был почти пустой, и её одежда в нём смотрелась как чужая.

Дверь в спальню матери она не открыла.

В заметках появился список: отменить вызов слесаря; управляющая — акт; тридцатое, 10:40 — нотариус; обои у Анны Павловны.

Лера посмотрела на этот список и поняла, что теперь у неё здесь есть дела. Не чувства, не разбор вещей, не разговор с мёртвой матерью — а дела, с датами и без сантиментов, и это было единственное, что она умела делать хорошо.

Она выключила свет в кухне и легла на диван, натянув плед до подбородка.

За стеной шумела вода. В доме напротив, на четвёртом этаже, горело окно, и она, прежде чем отвернуться, успела посчитать, что свет там горит второй вечер подряд.

«Три дня», — подумала она.

Три дня — это было очень мало для наследства и очень много для человека, который собирался приехать, закрыть дверь и больше сюда не возвращаться.

Глава 3

Глава 3. Чужие чашки

Двадцать восьмого октября, в среду, Лера проснулась в шесть сорок и первым делом поняла, что в квартире пахнет её шампунем.

Не матерью, не старым деревом и не остывшим чаем, а дешёвым шампунем из дорожной сумки, которым она мыла голову вчера в ванной, где кран с горячей водой надо было поворачивать заранее и с силой. Запах держался в прихожей и в маленькой комнате, у шкафа, куда она вчера переложила вещи. Квартира начала пахнуть ею, и это было неприятнее, чем она ожидала.

Будильник она отключила, не дожидаясь звонка. В кухне уже была вода — новая подводка работала тихо, без гула, и от этого тихой казалась вся квартира. Лера сварила кофе в турке, на этот раз удачнее, и села с чашкой на подоконник в большой комнате, потому что за столом сидеть было нельзя: стол был завален.

Вчера вечером она смела туда всё, что вытащила из серванта, и теперь смотрела на это как на чужой проект, к которому её позвали консультантом. Сорок шесть метров. Две комнаты. Высокие потолки. Хорошая история у дома и полное отсутствие денег у заказчика — так она сказала бы про эту квартиру, если бы кто-то попросил её оценить в двух словах.

Кофе она допила и начала работать.

Разбирала она не вещи, а слои — так было проще. Личные вещи матери в большой комнате она пока не трогала, оставила их на конец, и первым делом взялась за маленькую комнату, где стоял её школьный стол с вырезанными на столешнице буквами и где за семь лет, судя по всему, ничего не менялось. Здесь она и увидела то, чего не заметила в первый день.

Плинтус. Новый, пластиковый, прибитый поверх старого деревянного — старый торчал в углу за шкафом, облупленный, выкрашенный когда-то в цвет пола. Обои в маленькой комнате были переклеены, но кусок за шкафом остался прежний, с мелким выцветшим рисунком, — значит, шкаф не отодвигали, клеили вокруг. Розетки стояли новые, с заземляющими контактами, но выше прежних гнёзд, и под ними виднелись аккуратно зашпаклёванные пятна. Пол у окна — три плашки паркета светлее остальных.

У Леры была профессиональная привычка, от которой она иногда уставала: видеть, в каком порядке и в какой последовательности сделан ремонт. Здесь порядок читался сразу. Никто не делал эту квартиру целиком. Её чинили — по частям, по мере того как ломалось, каждый раз самым дешёвым способом, который позволял продержаться ещё немного. Так поступают не тогда, когда собираются жить по-новому. Так поступают, когда собираются жить дальше.

В прихожей она остановилась и посмотрела на крючок для верхней одежды. Он был привинчен на полторы ладони выше того места, где висел прежний, — там осталась дырка, замазанная шпаклёвкой. Мать была ниже Леры на полголовы и вешала пальто не глядя. Такой крючок мог поставить человек, который не думал о том, как удобно матери, а думал о том, как удобно ему.

Лера достала из сумки рулетку, измерила и записала в блокнот: «крючок — 174». Зачем — она и сама не сказала бы. У неё был список «что менять перед продажей», и крючок в него пока не входил.

К десяти она разобрала маленькую комнату: две коробки на выброс, одна — «в Москву» (детские фотографии, папка со школьными грамотами, чугунная ступка, которую мать всегда держала на кухне и в которой толкла перец, хотя перец у неё был молотый), и мешок с одеждой, которую можно отдать. Мешок она вынесла в прихожую и поставила у двери.

Потом дошла очередь до кухни.

Три тёмные чашки стояли в шкафчике там же, где она их увидела в первый вечер. Лера вынула одну, повертела в руках. Толстые стенки, простая форма, тёмно-коричневая глазурь, снизу — ничего, ни клейма, ни страны. Такие не дарят и не выбирают долго. Такие покупают, потому что нужны чашки.

Она поставила рядом все три и посмотрела на них, как смотрят на образец.

В шкафчике была ещё посуда — несколько материнских чашек, тонких, с золотой каймой, которые в её детстве доставали два раза в год: на Новый год и когда приходила тётя Валя с работы. Из такой чашки Лера вчера не выпила ни глотка, потому что не смогла.

А из этих — пила. Вчера утром, вчера вечером. И, судя по тому, что тёмные чашки стояли не в глубине, а в первом ряду, мыли их часто.

Она достала из-под мойки мусорный пакет и сложила чашки туда — одну за другой, не глядя, как складывают то, что не хочется держать в руках. Пакет поставила у двери, рядом с мешком одежды. И весь следующий час ловила себя на том, что прислушивается: не звякнуло ли там что-нибудь.

В двенадцать позвонил мастер из службы мелкого ремонта, вызов которой Лера отменила вчера вечером.

— Я по адресу, — сказал он бодро. — Подводка. Вам сегодня после шести удобно?

— Я отменила.

— Ага. А я всё равно еду мимо. Может, посмотреть что-то ещё надо?

— Не надо, — сказала Лера и положила трубку, чувствуя себя грубо, но правильно. Ей не нужен был человек, который «едет мимо». Ей нужен был порядок.

Порядок она навела к часу: папки из нижнего ящика — на стол, по годам, как лежали. Мать подписывала файлы сама, аккуратным почерком человека, который всю жизнь заполнял бланки: «2020», «2021», «2022». В каждом — квитанции за коммунальные услуги, чеки из «Максидома», гарантийные талоны, сложенные вчетверо инструкции.

Лера разложила это перед собой и стала читать подряд, как читают чужую смету.

Двадцать второй год: смета на сто сорок восемь тысяч от подрядчика, который снял в большой комнате часть обшивки и исчез. Копия претензии, распечатанная в двух экземплярах, — мать, наверное, печатала в библиотеке или у знакомых, своей техники у неё не было. Ответа на претензию в папке не лежало. Двадцать третий: вызов электрика, замена двух розеток, чек на восемьсот рублей. Двадцать четвёртый: полотенцесушитель в ванной. Двадцать пятый: дверь в маленькую комнату — стругали, потому что разбухла от сырости.

И везде, в углу квитанций, её мелким почерком: «И. — суббота», «И. — после обеда», «И. — принёс». Как пометки в календаре, а не как записи о деньгах.

Лера перевернула лист. На обороте одной из квитанций мать вела столбик цифр — не расходов, а чего-то другого, с плюсами и минусами, но столбик был перечёркнут дважды, так что разобрать не получилось. Она отложила лист в сторону.

В файле за двадцать пятый год лежал чек из «Максидома» на кофемашину — талон на гарантию был оформлен на «Морозову Т. И.», аккуратно, как всё остальное. И рядом, между чеками, — ещё один, короткий: «Набор чашек керамических, 6 предметов».

Лера посмотрела на дату. Март.

Она вспомнила три тёмные чашки, которые сама недавно убрала в пакет у двери. Перечитала чек: шесть.

Шесть предметов, март, «Максидом», четыреста девяносто рублей. Мать, которая всю жизнь считала каждую копейку и покупала посуду только «по случаю», пошла в строительный магазин и купила набор простых толстых чашек. Не сервиз. Не «на праздник». Просто посуду, чтобы пить из неё каждый день.

Шесть предметов — это могли быть три чашки с блюдцами. Или шесть чашек, половина которых разбилась. Или вообще другой набор. По одному чеку не понять. Лера поймала себя на том, что пытается решить эту задачу, словно от ответа что-то зависело.

Спросить было не у кого, и впервые за эти дни она подумала о вещи, которая была не обидой, а чем-то гораздо более неприятным: она не знала даже того, из каких чашек её мать пила чай.

Потом Лера открыла платяной шкаф в большой комнате и нашла коробку с остальной частью старого сервиза.

Она лежала на верхней полке, из-под обуви, каждая чашка завёрнута в газету, каждая тарелка проложена бумажной салфеткой. Большая часть сервиза была здесь, целая, без щербин. Мать завернула его и убрала наверх — так убирают то, что больше не нужно, но выбросить жалко.

Лера держала в руках чашку с золотой каймой и не могла сообразить, что её так задело. Что мать перестала доставать сервиз? Что она не отдала его ей, не написала, не сказала? Или то, что человек, который всю жизнь берёг вещи «для гостей», в какой-то момент решил, что гостей больше не будет, а чай всё равно надо пить каждый день?

Она завернула чашку обратно в газету, сложила коробку и поставила на полку так же, как стояла.

В два часа пришла женщина из управляющей компании — невысокая, в пуховике поверх форменной куртки, с планшетом и фотоаппаратом на ремне. Её звали Ирина, и она сразу попросила воды, потому что шла пешком с Малого.

— Так, — сказала она, ставя сумку на пол в прихожей. — Показывайте, что у вас.

Лера показала. Ирина сфотографировала шкафчик под мойкой, новую подводку, старый кран, следы высохшей воды на дне шкафчика, разбухшую заднюю стенку. Потом попросила открыть кран и закрыть, послушала трубу, записала что-то в планшет.

— Подводка, говорите, лопнула? — уточнила она.

— Вчера её заменили. Старую я не выбросила.

Лера достала повреждённый шланг из пакета с инструментами, оставленного под мойкой. Ирина осмотрела его, сфотографировала трещину возле штуцера.

— Похоже, причина в нём, — сказала она. — В акте укажем, что установлено при осмотре. Окончательные выводы по одному шлангу я делать не стану.

— А кран?

— Кран на кухонной линии тоже надо смотреть. Замена — через заявку, с отключением стояка, если иначе нельзя. Мы предупредим жильцов. Напишете заявление — поставим в график.

— Когда?

— Ну, — Ирина посмотрела в планшет, — скорее всего, в ноябре.

Она поднялась на третий этаж, и там, в квартире Анны Павловны, всё повторилось: фотографии пятна, замеры, вопросы про дату и время. Анна Павловна стояла рядом в халате, сложив руки на груди, и отвечала подробно, с повторениями, как отвечают людям, от которых ждут подвоха.

— Так, — сказала Ирина, закончив. — Акт оформим по результатам осмотра. Копии сможете получить в управляющей. По возмещению лучше сначала определить размер ущерба. Сумму пока никто не называет.

— А если я не хочу судиться? — спросила Анна Павловна.

— Тогда можно попробовать договориться, — Ирина кивнула в сторону Леры. — Между собой. Но сначала зафиксируйте повреждения.

— Я готова договориться, — сказала Лера.

Анна Павловна посмотрела на неё и ничего не ответила — только плотнее запахнула халат. И Лера вдруг поняла, что соседка ей не верит, и не потому, что та плохо о ней думает, а потому, что за свою жизнь наслушалась обещаний от людей, которые потом переставали открывать дверь.

— Страховки на квартиру нет, — сказала Лера, когда они с Ириной вышли на лестницу. — Я смотрела бумаги. Полис был, но кончился в девятнадцатом.

— Бывает, — сказала Ирина. — Сейчас многие страхуют. На будущее — имейте в виду.

Слово «будущее» прозвучало в её устах так буднично, что Лера не сразу сообразила, что её только что записали в людей, у которых здесь есть будущее.

Ирина ушла, пообещав сообщить, когда будет готов акт. Лера вышла проводить её до ворот — и во дворе увидела Илью.

Он стоял у стены второго корпуса, в той же тёмной куртке, но с другой стороны двора, и это было странно: за два дня она привыкла видеть его на своей площадке, в своей прихожей, у своей мойки. Здесь, внизу, среди чужих окон, он был просто мужчиной, который приставил к стене лестницу и что-то крепил на водосточной трубе, задрав голову. Рядом на асфальте лежал моток проволоки и стояла сумка с инструментом.

Она подошла, сама не зная зачем.

— Здравствуйте, — сказала она. — Извините. Вы не помните, кто делал ремонт у матери в двадцать втором? Те подрядчики, которые стену разобрали.

Илья обернулся, посмотрел на неё сверху вниз, потом спустился на две ступени.

— «СтройПрофи», — сказал он. — Фирма потом закрылась. Тамара Ивановна собиралась судиться, даже претензию подготовила, но там было не с кого взыскивать. Она бросила.

— А документы сохранились?

— У неё в папке всё должно быть. Претензия, смета, чеки. Она не выбрасывала ничего.

Лера кивнула. Она уже видела эту претензию — и теперь на секунду ей стало неловко, что она спрашивает человека о том, что могла бы прочитать сама, если бы взялась за папки раньше.

— Ещё вопрос, — сказала она. — Кран на кухне надо менять. Вы сказали, через управляющую. Там график на ноябрь.

— Значит, ноябрь.

— Вы можете посмотреть, когда поставят? Я не хочу, чтобы пришли без предупреждения.

Илья вытер руки о тряпку, висевшую у него на поясе.

— Я не работаю в вашей управляющей, — сказал он. — Я в соседней, по второму корпусу. В вашу я могу только позвонить, и то не по делу.

— Хорошо. Я поняла.

Он взял лестницу и переставил её на полметра, к следующему хомуту. Лера стояла внизу и понимала, что надо уходить, и не уходила.

— Можно я спрошу? — сказала она. — Не про ремонт.

Илья обернулся.

— Про мать.

— Нет, — сказал он сразу.

— Я даже не сказала, что именно.

— Всё равно нет. — Он поднял с асфальта моток проволоки, отрезал кусок. — Я вам не расскажу, какой она была последние годы. Не потому, что мне жалко или я что-то скрываю. Потому что это будет моя версия, а вам нужна ваша.

— А если моя версия неправильная?

— Тогда вы сами это поймёте, — сказал он. — Или не поймёте. Но не от меня.

Он полез наверх и начал крепить проволоку к трубе, и разговор был окончен так же естественно, как и начался, — не обидой, а делом. Лера постояла, глядя, как он работает, как

у него мёрзнут пальцы и он дышит на них, и вдруг сообразила, что за все эти дни ни разу не спросила, что у него самого происходит в жизни. Что у него, возможно, есть эта самая жизнь, в которой он с утра до вечера лазает по чужим стенам, а не только их с матерью квартира.

— Спасибо, — сказала она громко, снизу. — За подводку. И за список.

Он поднял руку, не оборачиваясь, — короткий жест, означавший «ладно, идите».

Дома она вымыла руки, просмотрела фотографии повреждений, которые сделала при Ирине, и убрала телефон. Потом села за стол и стала собирать папку для нотариуса.

Паспорт. Свидетельство о смерти — оно лежало в той же папке, в отдельном файле, и Лера не стала рассматривать его долго, только проверила, что все данные читаются. Договор передачи квартиры в собственность, девяносто третий год, потрёпанный, с печатью. Технический паспорт. Квитанции об оплате за последние месяцы — на случай, если спросят о долгах. Выписку из ЕГРН она заказала вчера через приложение и теперь проверила, что заказ прошёл.

Всё это она сложила в синюю папку с завязками, какую обычно держала для сдачи проектов, и подписала стикером: «30.10, 10:40. Гурьева».

Потом посмотрела на пакет у двери.

Чашки всё ещё лежали в нём — три тёмные, тяжёлые, ручки торчали наружу. Лера постояла над пакетом, потом вынула их, отнесла к раковине и вымыла по одной, хотя они были чистые.

И поставила обратно в шкафчик, в первый ряд.

За окном стемнело рано, как темнеет в конце октября, — не постепенно, а сразу, будто кто-то закрыл ставень. В доме напротив зажглись окна. Лера налила себе чаю — крепкого, как пила мать, — и села с ним к столу, где лежала синяя папка.

Чашка была тёплая и тяжёлая, и в ней не было ничего особенного. Просто чашка из тех, что мать стала покупать и ставить на первый ряд вместо праздничного сервиза.

Лера отпила и поняла, что за все эти дни она ни разу не спросила себя простого вопроса: а что ещё её мать успела изменить в своей жизни после того, как они перестали разговаривать? Чашки, крючок, кран, коврик у лифта, кофемашина, папка с бумагами по годам — всё это были следы человека, у которого была своя, отдельная, устроенная им самим жизнь. Лера приехала думать, что знает эту квартиру. Оказалось, она знала только её прежнюю версию.

Она допила чай и пошла спать — в маленькую комнату, на свою старую кровать, под которую пришлось подложить сложенное одеяло, потому что пружины за семь лет просели.

Папка с завязками осталась на столе. До приёма было меньше двух суток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.